

Украинскій этнографизмъ.

Въ украинской печати все чаще и чаще стало обнаруживаться пренебрежительное или даже прямо презрительное отношеніе къ тому явленію, которое называютъ „старымъ украинскимъ этнографизмомъ“, и попутно появляются укоры по адресу тѣхъ „сознательныхъ художниковъ нашихъ дней, которые еще не ушли отъ того этнографическаго направленія въ украинскомъ искусствѣ, которое культивировалось разными мѣстными и заѣзжими авторами“.

Можно подумать, что „этнографическое направленіе“ нынѣ является вреднымъ культурнымъ пережиткомъ, такъ сказать, гнилой колодой, которую остается только побить на куски и сжечь за негодностью.

Если бы этнографизмъ былъ пережиткомъ, то и тогда онъ, по чувству исторической справедливости, заслуживалъ бы добраго слова и почтительной памяти, какъ тотъ родникъ, изъ котораго черпали многіе художники слова и кисти,—начиная отъ Котляревскаго и Квитки и кончая Трутовскимъ и Т. Шевченкомъ, тѣмъ Шевченкомъ, въ геніальномъ поэтическомъ творествѣ котораго, по словамъ проф. де-ла-Барта, обнаруживается „синтезъ эпическаго и лирическаго народнаго творчества Украины“...—и въ этомъ уже смыслѣ старый украинскій этнографизмъ заслуживаетъ добраго слова.

Въ дѣйствительности „этнографизмъ“ далеко еще не пережилъ себя, не *survinance*. Это еще жизненная творческая сила, довольно могучая, и, пока живъ украинскій народъ какъ самостоятельная личность, этнографизмъ останется такой творческой духовной силой, которою нужно питаться и изъ которой можно извлечь богатыя нравственныя глубоко-національныя сокровища. Этнографизмъ можетъ сохранить и выяснитъ нашъ народъ гораздо болѣе, чѣмъ какой бы то ни было изъ другихъ, подчасъ очень

модныхъ и бойкихъ измовъ, въ томъ числѣ такой важный баринъ, какъ экономизмъ, который часто не замѣчаетъ, что и онъ въ сущности въ значительной мѣрѣ входитъ въ понятие этнографизма, въ смыслѣ широкаго и любовнаго служенія жизненнымъ силамъ народа.

Скажемъ болѣе: этнографизмъ украинскій нуждается въ заботливой охранѣ, поддержкѣ и въ разностороннемъ развитіи, нуждается въ интересахъ развитія науки, искусства, народнаго быта вообще.

Если мы возьмемъ его въ самой узкой сферѣ собственно этнографіи, то, къ сожалѣнію, должны констатировать печальный фактъ очевиднаго и несомнѣннаго упадка. Выдающіяся ученые силы въ этой области—или покойники, или люди преклоннаго возраста; молодыхъ, новыхъ силъ мало. Собственно въ російской Украинѣ этнографія находится въ упадкѣ. Сборники этнографическихъ матеріаловъ появляются рѣдко, случайно, а научныхъ изслѣдованій по украинскому фольклору что-то совсѣмъ не видно,—печальный признакъ научнаго и національнаго безсилія. Значительное движеніе обнаруживается лишь въ Галиціи. Движеніе это выражается какъ въ появленіи новыхъ, большею частью хорошо комментированныхъ сырыхъ матеріаловъ, такъ и въ появленіи цѣнныхъ ученыхъ трудовъ. Во Львовѣ сформировалась солидная школа украинской этнографіи со свѣдущими и дѣятельными работниками, среди которыхъ на первое мѣсто выдвигаются Франко и Гнатюкъ.

Никоимъ образомъ нельзя сказать, чтобы украинцы использовали этнографизмъ въ такой мѣрѣ, чтобы можно было поставить надъ нимъ крестъ и отслужить панихиду. Напротивъ, въ этомъ отношеніи „обнаруживается большое лѣнивство и осталство“. Цѣнные сборники Метлинскаго, Рудченка, Антоновича и Драгоманова въ забросѣ. Грандіозные памятники украинскаго этнографизма—Чубинскій со всѣми его 7 томами и Головацкій съ его 4 волюмами—поросли мохомъ забвенія, точно на упраздненномъ кладбищѣ, а между тѣмъ у одного Чубинскаго въ одномъ только колоссальномъ 5-мъ томѣ его кроется громадная масса такого художественнаго пѣсеннаго матеріала, который можно утилизировать разнообразнымъ способомъ—въ наукѣ, въ литературѣ, въ искусствѣ и открыть путь для его приложенія въ семьѣ, на школьной скамьѣ, въ ученомъ каби-

нетѣ, въ мастерской художника, въ репертуарѣ странствующаго пѣвца-кобзаря или лирника. Лежитъ этотъ матеріаль гдѣ-то въ складахъ петербургскаго географическаго общества безъ движенія и безъ вліянія на широкіе общественные слои.

Широкіе, низшіе слои общества вполне доступны благотворнымъ вліяніямъ этнографизма. Блестящій примѣръ— знаменитый покойный кобзарь Пархоменко. Стоило только ему у кого-то усвоить мелодичный музыкальный мотивъ пѣсни про Морозенка, какъ эта пѣсня, въ новой литературной и музыкальной обработкѣ, быстро была усвоена другими кобзарями и стала пользоваться широкимъ распространеніемъ.

Въ то время какъ украинцы, повидимому, желаютъ отказаться отъ своего „этнографизма“ въ ожиданіи великихъ благъ отъ чего-то другого новаго, современнаго, великороссы тщательно развиваютъ свой этнографизмъ, хотя въ нѣсколько узкомъ, холодномъ, сѣверномъ стилѣ, и въ этомъ смыслѣ они въ послѣднее время сдѣлали серьезные національные успѣхи. На всероссійскомъ художественномъ съѣздѣ въ Петербургѣ въ началѣ текущаго года обширныя залы академіи художествъ были наполнены выставками книжныхъ иллюстрацій, плакатовъ, дѣтскихъ игрушекъ съ большимъ отпечаткомъ великорусскаго, точнѣе—сѣвернорусскаго этнографизма, причемъ на этой національной почвѣ выдающіеся художники—Малявинъ, Билибинъ, Васнецовы—пошли рука-объ-руку съ московскими и ярославскими кустарями. На съѣздѣ въ докладахъ и рефератахъ великорусскій этнографизмъ игралъ большую роль; украинскій же былъ жалко представленъ въ двухъ—трехъ ополнянскихъ гончаркахъ въ какомъ-то закоулкѣ, и не было о немъ ни одного доклада.

Отчего у старыхъ украинскихъ писателей и художниковъ много аромата, красочности и поэзіи, а у новыхъ всего этого мало? Нужно думать, отъ того, что они ближе стояли къ природѣ и народу, съ любовью вслушивались въ его пѣсни и сказки, присматривались къ обрядамъ, быту. Языку даетъ силу и прелесть красочность его и соотвѣтствіе его народному міровоззрѣнію, что въ значительной мѣрѣ связано съ этнографизмомъ.

Возьмемъ для примѣра выдающагося современнаго украинскаго поэта Олеся. Въ первыхъ двухъ сборникахъ

его стихотвореній, при всей ихъ художественности, въ глаза бросалась отчужденность поэта отъ народной стихіи, полное незнакомство автора съ богатымъ міромъ народной поэзіи, большое количество словъ и выраженій интеллигентскаго свойства и, въ соотвѣтствіи съ тѣмъ, значительное число руссизмовъ, которые легко можно замѣнить народными украинскими словами. Отрѣшенность автора отъ народной словесности была отмѣчена критикой. Авторъ, по-видимому, призналъ основательность этого указанія и обогатилъ свое дарованіе нѣкоторой долей этнографизма; и въ результатъ получилось превосходное по формѣ и содержанию стихотвореніе „Ой на світі та була удівонька“¹⁾. Точно кто покропилъ чуткаго современнаго поэта живой водой. Этотъ таинственный „кто-то“—народъ, сохранившій прекрасную старинную думу неизвѣстнаго автора про вдову и трехъ ея сыновей.

Разумѣется, пользованіе этнографизмомъ не всегда бываетъ удачно, но тутъ ужъ виновать въ большинствѣ случаевъ самъ художникъ, что не умѣлъ выбрать достойнаго мотива или отнесся къ нему слишкомъ небрежно.

Возьмемъ для примѣра такого крупнаго и заслуженнаго художника, какъ В. Е. Маковскій, въ области его украинскаго этнографизма. Маковскій оказался слабымъ въ слащавой картинѣ украинской жатвы, съ прилизанными барышнями-дивчатами, съ нарочито вымытыми и наряженными въ бѣлые панталончики крестьянскими дѣтьми. Но тотъ же Маковскій очень хорошъ и даже поучителенъ въ другой своей картинѣ, „Мать и дочь“, полной настоящаго, хорошаго, гуманнаго этнографизма, на слова пѣсни:

Ище сонце не зіходило,
Щось до мене та приходило,
Приходила моя матинька,
Приходила моя рідная,
Порадонька моя вірная...

Есть и въ этой картинѣ недочеты: недостаточная обработка передняго плана—зеленаго поля, нѣсколько исключительный головной уборъ старухи-матери, вродѣ той коруны, которую носятъ старыя женщины въ украинскихъ селахъ Сѣдлецкой губерніи; но эти мелочи стушевываются передъ общей гуманной идеей, вложенной художникомъ въ картину: раннее утро, небо ясное, чистое, за околицу села

¹⁾ Напеч. въ „Літер.-Наук. Вістн.“, 1909 г., II.

или царину вышла молодая женщина. Она съ грустью слушаетъ мягкія слова утѣшенія отъ своей старушки-матери, которая пришла провѣдать бѣдную свою дочь, притѣсняемую въ чужой семьѣ, можетъ быть, мужемъ-пьяницей,—въ родѣ той, о которой говорятъ пѣсни у Чубинскаго (V, 217, 1092):

Ніхто не винень, тілько я,
Що полюбила гультяя...
Він в двери—я утікаю,
Вікном, дверима утікаю,
У садочку ночліг маю
До місяця розмовляю...

Художникъ пріоткрылъ только одинъ уголокъ народной поэзіи, которую извѣстный академикъ Ягичъ называетъ самой богатой и задушевной славянской поэзіей (Archiv, 1876, I). Много еще богатыхъ залежей скрывается для художественнаго творчества въ этомъ „старомъ этнографизмѣ“, и мало до сихъ поръ сюда заглядывали художники. Вообще, недурно было бы обсудить этотъ вопросъ съ разныхъ точекъ зрѣнія—научной, художественной, литературной, педагогической—и, прежде чѣмъ сдавать этнографизмъ въ архивъ забвенія, опредѣлить точнѣе, что нужно разумѣть подъ этнографизмомъ, въ какой мѣрѣ онъ связанъ съ націонализмомъ и въ какой степени можетъ быть использованъ въ интересахъ развитія знаній и добра.

Пренебрежительное отношеніе современной украинской критики и публицистики къ старому украинскому этнографизму, повидимому, построено на чрезмѣрномъ сомнѣніи интеллигенціи. Еще Кулишъ—большой знатокъ и почитатель народа—погрѣшилъ, какъ интеллигентъ, въ утвержденіи, что народъ въ своей поэзіи представляетъ первый періодъ культуры, а мы, интеллигенты, начало новой, высшей; но уже Пыпинъ высказался противъ такого мнѣнія, а Потебня пошелъ далѣе, отмѣтивъ, что высшіе классы далеко не всегда являются культурнымъ продолженіемъ своего народа и не всегда усваиваютъ лучшія проявленія его жизни и слова. Настоящее отрицательное отношеніе къ „старому украинскому этнографизму“ служитъ косвеннымъ указаніемъ, что мы—при нашемъ горделивомъ интеллигентскомъ „мы“—въ формѣ отрицанія этнографизма, въ сущности, сознательно или безсознательно признаемся въ томъ, что не служимъ и не хотимъ служить продолженіемъ своего народа.

Проф. Н. Ф. Сумцовъ.